

ТРУД
г. Москва

19 АВГ 1987

Слово прощания

О ТОВАРИЩАХ
С ЛЮБОВЬЮ
И ПЕЧАЛЬЮ

И полмесяца не прошло после смерти Анатолия Папанова, как из Театра сатиры — новая горькая весть: умер Андрей Миронов.

Ушли из жизни два артиста, которых мы, зрители, не просто знали — любили.

Народный артист СССР Юрий Никулин был близко знаком с ними. Сегодня в беседе с корреспондентами «Труда» В. Вострухиным и Ю. Яковлевым он делится тем, что хранит память об Анатолии Папанове и Андрее Миронове.

— Вы меня извините, если я что-то не то буду говорить... в такие минуты надо вспоминать о заслугах перед искусством, потому что заслуги велики, а у меня из горечи вырастает одно-единственное ощущение — зияющей громадной пробоины.

Толю Папанова я знал со времен молодости. Нам было легко друг друга понимать, он воевал, как и я, был тяжело ранен... А кто знал, что Папанов — инва-лид войны? Когда появились деньги на машину, он еще намучился, пока купил. Я его под-талкивал: Толя, ты же заслу-женный воин, имеешь право. Он в ответ: ну вот, я буду этим ко-зырять?

Его актерский взлет происхо-дил у меня на глазах. Молодому Толе Папанову тогда несладко приходилось в театре. Валентин Плучек — режиссер Театра са-тиры — пробовал его в одной, в другой роли — не тянет. И все за Толю переживали, пото-му что понимали — ему, види-мо, придется в скором времени уйти из театра.

Как-то мы собрались на дне рождения у одной актрисы. И Плучек был. Толя начал танце-вать какой-то модный тогда, очень подвижный танец, да так это у него вышло, что режис-сер, наконец Папанова «уви-дел». Понял, что предлагал ему не те роли. И в следующем спектакле — это был «Дамок-лов меч» — Анатолий Папанов поднялся во весь рост как ак-тер. Он сыграл блестяще. С тех пор шел в гору, в гору, только в гору... А помните его генерала Серпилина в «Живых и мерт-вых» по Симонову? Эту роль режиссер Александр Столпер предлагал мне. Я отказался наотрез. Что вы, говорю, какой я генерал. Столпер посожалел, предлагал мне пробы, зря, гово-рил, вы, Юрий Владимирович, не верите в свои силы. А потом вздохнул: «Ну что ж, тогда попробую пригласить на эту роль Папанова». Я даже засме-ялся: эх кидает режиссера из стороны в сторону. Не Папанова это роль! А когда вышел фильм, стало ясно, что это — его роль! Потрясающе проникновен-но, убедительно создал он образ генерала, русского интеллиген-та. Потом я говорил Столперу: какое счастье, что вы меня тог-да не взяли, я б так не сыграл.

Последний раз я видел Папа-нова незадолго до смерти — мы ведь с ним соседями были, жи-ли напротив, через улицу, собак вместе выгуливали. Он очень плохо выглядел, усталый какой-то, разбитый. Но если Толя все-го на год моложе меня был, то Андрей Миронов по возрасту, если так разобраться, в сыновья годился. Я все думал, что вот еще немного, года два — и Анд-рей получит звание народного артиста Союза, он его вполне заслужил... У Миронова ведь все впереди было, сорок шесть лет, он актер еще нераскрытый, ему по силам не только характер-ные, комедийные, но и траге-дийные роли. Вспоминая, сколь-ко он сделал в театре, в кино, я радуюсь за него — все же Андрей, как говорят актеры, на-игрался. И вправду — первые роли в спектаклях самых раз-ных, от Гоголя до Брехта, диа-пазон его дарования был необъ-ятен. И в кинематограф он вошел серьезно, крупно. В «Бриллиан-товой руке» я снимался вместе

с Андреем, с Толей. Помните, Андрей пел в фильме песенку про остров Невезения, а я — про зайцев. Мы очень ревниво следили за работой друг друга. Я говорил: «Андрей, твоя пес-ня, конечно, пойдет на пластин-ки». Мне действительно нрави-лось, как он поет, как танцует — блестяще, ни на кого не по-хоже, только он так умел. А Миронов отвечал: «Нет, Юрий Владимирович, это вашу песню после фильма все будут петь». Вышла на экраны «Бриллианто-вая рука», обе песни были за-писаны на пластинки, обе потом пелись под гитары...

Андрей был не только щед-рым артистом, но и добрым че-ловеком. Спросите артистов Те-атра сатиры — они вам расска-жут, что к Миронову мог подо-йти любой из труппы, попросить помочь — и тот никогда не отка-зывал. Надо — даст денег взаи-мы, надо — пойдет к директору театра просить за человека, ко-торый ему ни сват, ни брат. За что его особенно ценили сати-ровцы — он был порядочным ре-жиссером. Ведь пять спектаклей поставил в Театре сатиры и е-сли брал артиста на роль, то всегда доводил его до премье-ры. Если что-то не получалось, помогал, до пота, до крови — но не было случая, чтобы он за-менил актера.

Теперь, когда завеса таинст-венности над нашей актерской профессией приподнялась, зри-телю проще будет понять, от-чего безвременно ушли от нас Анатолий Папанов и Андрей Ми-ронов. Ведь честно работающий актер — каторжник. Каждая роль, каждое появление перед зрителем — это нервы, нервы. Еще не было такого — чтобы вышел на сцену равнодушный человек и заставил плакать зрительный зал. Ты выйди, сожги себя, выстрадай жизнь своего героя — тогда только можно рассчитывать, что зри-тель тебя поймет. А Андрей во-обще никогда не мог работать вполсилы — нигде, ни на спек-такле, ни на репетиции. Уходит за кулисы — и рубашка всегда мокрая от пота, выжимать мож-но... А сколько они — и Папа-нов, и Миронов — работали на концертах, и как... Все хотели их видеть, слышать.

Для Театра сатиры лишиться Папанова и Миронова — насто-ящее потрясение. Там много первоклассных актеров, но эта потеря — невосполнима. Нет Толи — и около десятка спек-таклей нуждаются в замене ак-тера, которому равноценной за-мены не подобрать. Вот она, пробоина... Я очень огорчился, что на похороны Толи смогли приехать только несколько ар-тистов из Сатиры. Понимаю, театр на гастролях в Риге, за-коны его неумолимы: спектакли должны идти. Несмотря ни на что.

Двадцатого августа на похоро-ны Андрея прилетят все: после смерти артистов из двенадца-ти спектаклей, заявленных в гастрольной афише, осталось всего четыре... Все, кто не за-нят двадцатого, будут на граж-данской панихиде в театре, а к вечеру вернутся в Ригу. Я про-щаюсь с Андреем, и думаю, что ведь он и ушел как актер: играл Фигаро и упал на сцене. А ночью умер. Врачи сказали — инсульт. Нервы, нервы...